

УДК 930.2(470)

DOI 10.37386/2413-4481-2021-2-80-85

А.С. Кузнецов

Лицей № 3, г. Барнаул, Россия

ТЕРМИНОЛОГИЯ УСТНОЙ ИСТОРИИ И ЕЕ ИСТОЧНИКОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В данной работе автор попытался проследить эволюцию терминологии устной истории и ее источников в отечественной историографии, а также определить наиболее точные дефиниции, отражающие особенности передачи устной информации и деятельности устных историков в процессе создания, документирования и хранения источников. Проанализировав работы отечественных архивистов, историков и социологов советского и постсоветского периодов, касающихся в своих изысканиях исследуемой проблемы, автор приходит к выводу, что в отечественной историографии до сих пор не выработано единой терминологии устной истории и ее источников.

Ключевые слова: устная история, устный исторический источник, историческое интервью, устное воспоминание, воспоминание-интервью, жизненная история, нарратив, источниковедение.

A.S. Kuznetsov

Lyceum № 3, Barnaul, Russia

THE TERMINOLOGY OF ORAL HISTORY AND ITS SOURCES IN NATIONAL HISTORIOGRAPHY

In this article the author attempts to trace the evolution of the terminology of oral history and its sources in national historiography, also to determine the most accurate definitions, reflecting features of the oral information transmission and features of oral historians' activity in the process of establishing, documentation and storage of historical sources. On the basis of the views of domestic archivists, historians and sociologists of the Soviet and of the post-Soviet periods, the author comes to the conclusion that the unified terminology of oral history and its sources has not yet been established.

Key words: oral history, oral historical source, historic interview, oral memories, memory-interview, life story, narrative, source studies.

Понятие «устная история» вошло в мировую научную практику и в отечественную историографию во второй половине XX века. Оно является точным переводом *oral history* (калька с англоязычного варианта *oral history*), возникшего в США научно-общественного движения, но это название лишь частично передает смысл такого научного явления, как устная история. Ключевое слово «устная» отражает характер и форму существования и передачи исторической информации, а в сочетании со словом «история» предполагает «неписаную» историю, то есть ту, что существует, но не облечена в графическую форму. Условность этого термина, его содержательная неопределенность отмечают практически всеми исследователями, работающими в этом направлении [1, с. 246]. Кроме того, за годы становления устной истории изменилось содержание понятия и «устной истории», и ее источников.

Цель данной работы – проследить эволюцию терминологии устной истории и ее источников в отечественной историографии, а также определить наиболее точные дефиниции, отражающие особенности передачи устной информации и деятельности устных историков в процессе создания, документирования и хранения источников. Задачей нашего исследования стал анализ работ отечественных архивистов, историков и социологов советского и постсоветского периодов, касающихся в своих изысканиях терминологии устной истории и ее источников.

Д.Н. Хубова, одна из первых отечественных специалистов в области теории устной истории, выделяя разнообразие предложенных дефиниций зарубежных и отечественных специалистов, отметила, что «ни «устные свидетельства», ни «устные архивы» не объясняют «устную историю» и еще не являются ею. Однако все из на-

званных определений каким-либо образом тяготеют к категории так называемых «человеческих» документов; все они объединены признаками нарративности, ретроспективности, антропоцентричности, устной спецификой их формы трансляции [2, с. 21–22]. Таким образом, Д.Н. Хубова определяет характерные черты устной истории и ее источников. При этом хотелось бы отметить, что исследователь не выделила специфику метода сбора информации как диалога между интервьюером и респондентом, что является важной составляющей для понимания деятельности устного историка и, соответственно, терминологии *oral history*.

Помимо этого, Д.Н. Хубова отмечает, что «самопротиворечивость ситуации заключается в устойчивости термина “УИ”, который удерживает свои позиции вопреки сомнению других определений, а также несмотря на время от времени появляющуюся критику» [2, с. 22–23]. Поэтому, чтобы разобраться в многообразии дефиниций, обратимся к интерпретациям термина «устная история» отечественных специалистов.

Так, в статье историков-архивистов Н.П. Кузнецовой и В.М. Суринова, вышедшей в 1980 году, дается такое определение: «Устная история – это запись устных свидетельств участников и очевидцев событий на магнитной ленте» [3, с. 73]. Данная дефиниция не отражает специфику метода сбора информации. Кроме того, в интерпретации Н.П. Кузнецовой и В.М. Суринова не отражено, что устная история является частью антропологического поворота в историческом знании, произошедшем во второй половине XX века, что устная история – новое явление в исторической науке. По сути, данное определение сводит устную историю к звуковой мемуаристике, отличающейся от традиционных письменных мемуаров лишь способом кодирования информации.

В коллективной работе архивистов Т.Н. Мусатовой, Н.А. Кузьмичева, А.В. Серегина, опубликованной в 1985 году, устная история определяется как «комплекс мероприятий по документированию исторических событий, объектов и мест современными средствами звукозаписи и кинофототехники с целью пополнения фондов государственных архивов» [4, с. 16]. Данная расшифровка термина не отражает ни ретроспективность, ни антропоцентричность, ни метод сбора информации. Помимо этого, авторы снова не выделяют устную историю как новое, самостоятельное направление в исторической науке.

В исследовании историков-архивистов В.М. Виноградова и В.Н. Гармаша, изданном в

1988 году, повторяется дефиниция Н.П. Кузнецовой и В.М. Суринова. «В последние десятилетия во многих странах мира оживился интерес к устной истории, т. е. записанным на магнитную ленту свидетельствам участников и очевидцев событий» [5, с. 4].

С.О. Шмидт в статье, вышедшей в 1991 году, определяет устную историю как практику «научно организованной устной информации участников или очевидцев событий, зафиксированной специалистами, использующими современные технические средства» [6, с. 262]. Данное определение не отражает специфику создания устного исторического источника как диалога между интервьюером и респондентом, истолковывает устную историю как метод исследований и как источник.

В 1990-е годы в связи со сменой общественной парадигмы происходит настоящий бум устноисторических исследований, что отражается на восприятии устной истории учеными, а вследствие этого и трактовке определения «*oral history*».

В 1992 году Д.Н. Хубовой была защищена первая в истории отечественной науки кандидатская диссертация по устной истории (научный руководитель – С.О. Шмидт) [2], что свидетельствует о начале признания в научных кругах *oral history* как самостоятельного направления исторических исследований. Д.Н. Хубова расшифровывает устную историю как «особое синкретическое направление современных исследований, когда, с целью познания прошлого, проводится сбор и запись устных свидетельств и воспоминаний» [7, с. 24]. Данная точка зрения определяет объект и предмет устной истории, но не затрагивает способ записи устно-исторической информации. Однако стоит отметить, что в дефиниции исследователя устная история уже признается самостоятельным направлением научных изысканий.

В последние десятилетия происходит трансформация устной истории как самостоятельного направления исторических исследований в самостоятельную историческую дисциплину. Это изменение можно увидеть в авторских определениях «устной истории». Некоторые специалисты в трактовках термина «*oral history*» продолжают его именовать «направлением»: «Устная история представляет собой самостоятельное научное направление, включающее самых разных исследователей. Объединяют их лишь самые общие исследовательские принципы, выражающиеся в обращении к личному опыту опрашиваемого, фиксации его рассказов при помощи специаль-

ных средств и использовании полученной информации в качестве исторического источника. В то же время тематика и методика проведения опросов могут существенно различаться» [8, с. 40].

Другие в своих дефинициях определяют устную историю как самостоятельную научную дисциплину: «Сегодня под “устной историей” понимается научная дисциплина, обладающая собственным методом исследования – интервью, с помощью которого осуществляется фиксирование субъективного знания отдельной человеческой личности об эпохе, в которой жил человек» [9]. Из этого следует, что процесс оформления устной истории как самостоятельной научной дисциплины далек от завершения. В некоторых трактовках устных историков можно встретить противоречия и неопределенность. Так, М.В. Лоскутова определяет устную историю как «чрезвычайно разнообразное и динамичное направление в социальных науках» или «одно из интересных и динамично развивающихся направлений современной мировой исторической науки», однако одновременно предлагает рассматривать ее как «академическую дисциплину» [10, с. 5–31].

По мнению Т.К. Щегловой, ведущего отечественного специалиста в области устной истории, «в контексте становления устной истории как новой дисциплины важнейшее значение приобретает определение ее предметного, хронологического, тематического поля исследования» [1, с. 249], поэтому Татьяна Кирилловна определяет устную историю как историческую дисциплину, отличающуюся собственным концептуальным подходом к изучению исторической действительности через «человека в истории», «историю изнутри» в интерпретации ее массовыми участниками («история снизу», демократический подход) и представителями «высших этажей» общества (элитарный подход), изучающую «человеческое измерение истории» и имеющую собственные методы исследования, основанные на опросе, прежде всего путем организации исследовательских интервью с участниками и очевидцами исторических событий, явлений и процессов, для создания нового типа источника – устных исторических источников, содержащих массовые или индивидуальные исторические представления о недавнем прошлом [11, с. 36–37].

Автор данного исследования придерживается последней трактовки термина «устная история», поскольку она наиболее точно отражает особенности *oral history* и восприятия ее учеными, а именно устная история как метод, как источник,

как направление исторических исследований и как самостоятельная дисциплина [1].

В целом зарождающаяся как самостоятельное направление отечественной исторической науки устная история в 1980-е – начале 1990-х годов, исходя из содержания определений, первоначально воспринималась отечественными специалистами именно как метод сбора информации и как источник для исследований. В последние десятилетия в связи с антропологическим поворотом в научном знании произошел всплеск интереса к так называемому «человеческому содержанию» истории, что отразилось на восприятии устной истории учеными, а вследствие этого и интерпретациях определения «*oral history*», которое расширилось до толкования устной истории как метода, как источника, как направления исторических исследований и как самостоятельной дисциплины.

Другим открытым вопросом, связанным с устной историей, является выработка единой терминологии для материалов интервью. Понятие «устный исторический источник» до сих пор не устоялось. До 1970–1980-х гг. в отечественной науке под устными источниками подразумевалось устное народное творчество – фольклор [12, с. 196–198]. Одним из первых употребил термин «устные свидетельства» в другом значении В.Т. Логин, подразумевая под ними записанную информацию об исторических событиях на аудионоситель [13, 14]. В 1973 году Т.А. Ильина использовала понятие «устное воспоминание» в статье, посвященной методике отбора и записи воспоминаний очевидцев исторических событий [15, с. 27–32], а в 1980 году в историографическом обзоре развития устной истории за рубежом Н.П. Кузнецова и В.М. Суринов употребили термин «устная история», включая в него как метод сбора информации, так и продукт сбора информации [3, с. 73–76]. В вышедшей спустя десять лет работе В.М. Суринов использовал понятие «историческое интервью», поясняя, что «историческое интервью отличается от других источников, содержащих информацию в уже зафиксированном, застывшем виде» [16, с. 9]. Такую же терминологию применили В.М. Виноградов и В.Н. Гармаш в 1988 году [5], но тот же В.М. Виноградов в совместной статье с А.В. Рябовым, изданной двумя годами ранее, употребил термин «источники, фиксирующие “устную” информацию» [17, с. 6–16]. Понятие «историческое интервью» использовала в своих работах и Т.М. Горяева [18, 19]. Термин «устные источники» («словесные источники») употребляли в своих работах Д.П. Урсу и С.О. Шмидт¹ [20, 21].

¹ В основе статьи – выступление на Международном семинаре по устной истории в МГИАИ 3 октября 1989 г.

В целом, подводя итог данному периоду в развитии теории устной истории, мы наблюдаем отсутствие единства в терминах, обозначающих материалы интервью, а также нужно отметить, что понятия «устные свидетельства», «устное воспоминание», «устная история», «устные источники», «источники, фиксирующие “устную” информацию» не отражают особенности процесса создания источника.

Ближе всех к определению источников устной истории подошли В.М. Виноградов и В.Н. Гармаш, которые основным методом устной истории называли «историческим интервью», разводя историю и социологию, считая, что «для исторического интервью характерно наличие временной дистанции (она может быть весьма значительной – до нескольких десятилетий) между совершением события и моментом фиксации воспоминаний, а в социологии нет места ретроспективности, ее источники синхронны», соответственно, «средством воссоздания действительности в социологических исследованиях выступает не память, а “сиеминутное”, свежее впечатление» [5].

В постсоветский период разнообразие терминологии устной истории и ее источников только расширилось. Ученица С.О. Шмидта Д.Н. Хубова в своих работах использовала понятие «устная история» при определении устных документов, что порождает еще большую терминологическую путаницу при использовании понятий, обозначающих материалы интервью [2, 22].

Президент Ассоциации военно-исторической антропологии и психологии «Человек и война» Е.С. Сенявская предложила термин «историко-социологический источник» или «воспоминание-интервью», тем самым адаптировав практику социологических опросов к потребности исторической науки при изучении «антропологического содержания» Великой Отечественной войны [23]. Также в работах Е.С. Сенявской при описании методов исследования используются дефиниции «материалы глубокого интервью» или «материалы “устной истории”» [24].

Социолог Е.Ю. Мещеркина использовала понятие «жизненная история» (life story) или «биография» [25]. Похожие трактовки для источников устной истории предлагают О.А. Гайлит («история жизни») и Р.С. Черепанова («устный биографический рассказ») [26, 27]. Данные определения, как и у большинства специалистов советского периода, не дают понимания особенностей создания устно-исторических источников.

Б.С. Илизаров и М.В. Мокрова, профессионально занимающиеся устной историей Москвы,

к документам устной истории относят записанные на звуконоситель «тексты бесед с учеными», полученные только «специально-организованными историко-научными интервью» [28–30]. Данная дефиниция ввиду узости круга респондентов не претендует на роль универсальной.

Исследователи Г. Шагоян, А. Блюм, Е.Ф. Кринко предлагают определение «нарратив» [8, 31–34]. Для понимания позиции авторов обратимся к расшифровке самого термина в энциклопедиях: «Нарратив (англ. и фр. narrative, от лат. narrare – рассказывать, повествовать) – самостоятельно созданное повествование о некотором множестве взаимосвязанных событий, представленное читателю или слушателю в виде последовательности слов или образов. Часть значений термина «нарратив» совпадает с общеупотребительными словами «повествование», «рассказ» [35]. Следовательно, при употреблении этого термина не отражается ни ретроспективный характер создания источника, не дается представление о круге респондентов.

Один из ведущих разработчиков теории и практики устной истории Т.К. Щеглова предложила термин «устный исторический источник» [11, 36]. «На наш взгляд, наиболее адекватным является введенный и используемый нами термин “устный исторический источник”, который отличается от “устного источника”. Первый не существует в готовом виде, а создается историком с помощью опроса (как правило, научно оформленные материалы интервью, беседы, расспроса и т. д.), а второй является продуктом устной традиции или устного народного творчества и существует в готовом оформленном виде (предания, легенды, присловья, были и т. д.)» [11, с. 41–42]. Тем самым отражается главная особенность создания источника устной истории – через интервьюирование. Кроме того, ученый при истолковании термина «устная история» касается круга респондентов для устного историка, отмечая, что устные исторические источники содержат массовые или индивидуальные исторические представления о недавнем прошлом [11, с. 36–37].

В довершение всего Т.К. Щеглова, отмечая особенности устных исторических источников, конкретизирует нюансы его создания. «Как правило, материалы устной истории – интервью – также включают в группу документов личного происхождения. С одной стороны, это правильно, так как любой исторический документ, созданный с помощью опросных технологий, носит субъективный характер – не в том смысле, что он априори должен рассматриваться как ангажированный,

пристрастный, отражающий оценку “одного” и поэтому содержащий только субъективную информацию, что вызывает недоверие и критику со стороны ряда историков, в отличие от письменных документов, которые имеют большой “кредит доверия” в смысле объективности информации; устный исторический (материалы интервью) “субъективен” в том смысле, что он создается тремя “субъектами”: “респондентом”, который предоставляет информацию; “интервьюером”, формирующим комплекс вопросов, создающим фон беседы и задающим параметры мобилизации исторической памяти, и человеком, который транскрибирует аудиодокумент, – “транскрибiererом” [37, с. 366–367].

Автор данной работы под «устными историческими источниками» понимает материалы интервьюирования участников и очевидцев изучаемых событий, содержащих массовые и индивидуальные исторические представления о недавнем прошлом, должным образом зафиксированные и задокументированные [38, с. 190]. В подтверждение нашего мнения приведем цитату Д.Н. Хубовой, касающейся терминологии как устной истории, так и ее источников: «Значение научной терминологии должно быть инвариантным относительно научного прогресса, т. е. все последующие, связанные с конкретным термином, теории должны быть сформулиро-

ваны таким образом, чтобы не деформировать, не оказывать влияние ни на фактуальную, ни на методологическую, ни на содержательно-концептуальную стороны науки» [2, с. 22].

Таким образом, в постсоветский период терминология источников устной истории остается не унифицированной. Кроме того, в дефинициях некоторых ученых наблюдаются неточность и расплывчатость определений. Во-первых, формулировка термина не дает представление о ретроспективном характере создания источника. Во-вторых, авторы не конкретизируют границы деятельности устного историка, то есть круга респондентов, которые могут предоставить информацию о прошлом, тем самым не разделяя социологию и историю.

В итоге мы наблюдаем отсутствие единой терминологии устной истории и ее источников в отечественной историографии. Данная проблема может быть решена при обращении к нему всего научного сообщества. Помимо этого начиная с 1970-х годов устная история в СССР, а затем в России переживает трансформацию из метода и источника для изучения исторических фактов, событий, процессов в направление исследований и самостоятельную историческую дисциплину, что также требует выработки единого понятийного аппарата для данной отрасли исторического знания.

Библиографический список

1. Щеглова Т. К. Устная история в XX столетии: метод, источник, направление исторических исследований или самостоятельная дисциплина? // *Этнография Алтая и сопредельных территорий* / под ред. Т. К. Щегловой. Барнаул: БГПУ, 2008. С. 246–254.
2. Хубова Д. Н. Устная история и архивы: зарубежные концепции и опыт: дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 322 с.
3. Кузнецова Н. П., Суринов В. М. «Устная история» в практике работы зарубежных архивов // *Советские архивы*. 1980. № 1. С. 73–76.
4. Мусатова Т. Н., Кузьмичев Н. А., Серегин А. В. «Устная история» как метод активного комплектования // *Проблемы хранения и обеспечения сохранности архивных документов: сб. науч. трудов*. М., 1985. С. 14–21.
5. Устная история в зарубежных архивах: Зарубежный опыт: Аналитический обзор / сост. В. М. Виноградов, В. Н. Гармаш. М.: ВНИИДАД ОЦНТИ, 1988. 52 с.
6. Шмидт С. О. Предпосылки «устной истории» в историографической культуре России // *Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского: тезисы докладов и сообщений*. М., 27 января – 1 февраля 1991 г. М.: РГГУ, 1991. С. 262–263.
7. Хубова Д. Н. «Устная история» и источниковедение: «В поисках утраченного времени» // *Мир источниковедения: сб. в честь С. О. Шмидта*. М.: Пенза, 1994. С. 24–30.
8. Кринко Е. Ф., Тажиудинова И. Г., Хлынина Т. П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945): монография. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 362 с.
9. Филюшкин А. И. Методические указания по проведению исследований по устной истории. URL: <https://elib.spbstu.ru/dl/714.pdf/view> (дата обращения: 29.07.2020).
10. Лоскутова М. В. Введение // *Хрестоматия по устной истории* / пер., сост., введ., общ. ред. М. В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2003. С. 5–31.
11. Щеглова Т. К. Устная история: учеб. пособие. Барнаул: АлтГПА, 2011. 364 с.

12. Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории: монография. М.: Наука, 1975. 282 с.
13. Логин В. Т. Военно-исторические источники, их классификация и принципы исследования: монография. М.: Б. и., 1971. 240 с.
14. Логин В. Т. Диалектика военно-исторического исследования: монография. М.: Наука, 1979. 221 с.
15. Ильина Т. А. Устное воспоминание — исторический источник // Советские архивы. 1973. № 2. С. 27–32.
16. Суринов В. М. Историческая память народа. Сельское хозяйство Зауралья в образах и мыслях сибирского крестьянина. Тюмень: Лад, 1990. 36 с.
17. Виноградов В. М., Рябов А. В. «Устная история» и комплектование государственных архивов // Актуальные проблемы советского архивоведения: межвузовский сборник / отв. ред. К. Б. Гелман-Виноградов, Н. А. Орлова. М.: МГИАИ, 1986. С. 6–16.
18. Горяева Т. М. Фонодокументы как источник по истории Великой Отечественной войны // История СССР. 1985. № 3. С. 142–154.
19. Горяева Т. М. О методике проведения исторического интервью // История в человеке: материалы семинара работников государственных архивов Калининской области по повышению профессионального уровня (1989 г.). Тверь, 1990. С. 16–22.
20. Урсу Д. П. Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории: сб. статей / отв. ред. В. А. Кучкин. М.: Наука, 1989. С. 3–32.
21. Шмидт С. О. «Устная история» в системе источниковедения исторических знаний // Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1997. С. 98–108.
22. Хубова Д. Н. Устная история «Verba volant». М.: РГГУ, 1997. 62 с.
23. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России: монография. М.: РОССПЭН, 1999. 382 с.
24. Сенявская Е. С., Сенявский А. С., Жукова Л. В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии: монография. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 422 с.
25. Устная история, биография и женский взгляд / ред. и сост. Е. Ю. Мещеркина. М.: Невский простор, 2004. 270 с.
26. Гайлит О. А. Особенности прочтения крестьянских «историй жизни» // Исторический ежегодник. 2008. Вып. 2. Историография. Источниковедение. Методы исторического исследования / под ред. А. В. Якуба, В. П. Корзун. Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. С. 56–61.
27. Черепанова Р. С. «Маленький человек» в «большой истории»: опыт интерпретации устных биографических рассказов // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 4 (142). С. 148–157.
28. Мокрова М. В. Устная история науки: от историографических традиций к комплексному источниковедению: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 253 с.
29. Мокрова М. В. «Устная история» и источниковедение истории. URL: <http://os.x-pdf.ru/20istoriya/756934-1-materiali-zasedaniyam-letney-shkoli-istochnik-rabote-istorika-nauk.php> (дата обращения: 11.07.2020).
30. Илизаров Б. С. Народный архив. Живые голоса эпохи. М.: Вече, 2014. 382 с.
31. Шагоян Г. Память и нарративы о сталинских репрессиях в Армении. URL: <https://urokiistorii.ru/article/53018> (дата обращения 30.07.2020).
32. Шагоян Г. Конкурирующая память: мемориализация сюжетов коллективной травмы // Депортация армян. 14 июня 1949 год: сб. документов и материалов / сост. Н. Н. Аблажей; отв. ред. Н. Н. Аблажей, Г. Харатян. Новосибирск: Наука, 2016. С. 216–223.
33. Блюм А. Возвращение и память // Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы: сб. науч. ст. Вып. 3. Новосибирск: Наука, 2014. С. 3–11.
34. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы): монография / М. А. Рыблова, Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина и др. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 336 с.
35. Нарратив. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D1%80%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2> (дата обращения: 30.07.2020).
36. Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство в XX веке. Устная история: монография. Барнаул: БГПУ, 2008. 526 с.
37. Щеглова Т. К. Структура и категории сельского русского населения сибирской деревни как фактор адаптационных механизмов традиционной культуры жизнеобеспечения в повседневных практиках войны 1941–1945 годов: к проблеме введения и интерпретации материалов устной истории в научные тексты // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 9 / под ред. Т. К. Щегловой. Барнаул, 2015. С. 366–378.
38. Кузнецов А. С. Устный исторический источник в отечественном источниковедении: его место и особенности // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2 (94). С. 188–192.